

Галина
ГРАНОВСКАЯ
г. Симферополь

*У моря Белого,
у моря Чёрного...*

рассказы

Дорога на Ай-Петри

Самолёт приземлился около двух ночи. Бодрясь с подташниванием, которое было обычным для неё при долгих перелетах, Вера ступила на трап и после духоты салона с облегчением вдохнула влажный холодный воздух. Почти сразу замёрзла: север есть север, даже летом всего плюс восемь, как сообщили в самолёте перед посадкой.

Бледная лимонная полоса высвечивала зябкое мелколесье над низкими сопками. Лётное поле, здание аэропорта и несколько щитосборных домиков поодаль — всё окутывал прозрачный сумрак, в котором жёлто и ненужно тлели фонари и окна. Уже не верилось, что из Симферополя вылетали в тридцатиградусную жару, как не верилось, что бывают другие ночи — с чернильно-глубоким небом, усеянным крупными звёздами, со звоном цикад и густым сладковатым запахом степного чабреца.

Через душный зал ожидания, заполненный истомлёнными бессонницей пассажирами, Вера вышла к стоянке такси. В тепле машины её окончательно разморило. Сквозь мутный полусон пробивался к сознанию знакомый ландшафт: склоны, поросшие мелким березняком и кустарником, черепичные и шиферные крыши домов пригородного совхоза, трубы ТЭЦ. Среди причудливо искривленных деревьев мелькнула лунная ладонь залива, поворот — и он открылся весь огромным мерцающим зеркалом. Начался город — тихий, незанято безлюдный. Вера закрыла глаза. Серебристая рябь залива сменилась видением бесконечного, дышащего солнцем пространства...

Брызги света отражаются в глазах.

Пляжи — утренних часов молитва.

Евпатория... Песок и солнце в волосах.

Бьются волны ушащённым ритмом.

Вчерашний день — уже вчерашний, хотя се-

годняшний ещё не наступил, — наплывал то видением пёстрого и шумного утреннего базара, то пляжа, переполненного шоколадными отдыхающими, то накатывал тяжёлой зеленоватой волной. После жаркого песка вода в первый момент казалась холодной, но через минуту тело блаженствовало, взгляд выхватывал стайку мальков, разлетающихся из-под ног на мелководе, взвихрения солнечных бликов на песчаном дне, россыпь ракушек и камешков, далёкую округлую линию горизонта...

Возвращение к обеду — последний раз по узким улочкам старого города в зыбкой полуденной тени акаций.

Обедали на старой увитой виноградом террасе. Собралась довольно пёстрая и шумная компания. Этим летом, кроме Веры, у Светки гостили институтские друзья, Аня и Вика. Кроме того, к обеду пригласили соседа — Светкиного коллегу, учителя то ли физкультуры, то ли трудов, — Вера так и не уяснила чего, хотя он забегал почти каждый день.

Когда уселись за стол, хлопнула калитка и появились два курортника, снимающие времянку в углу сада. После секундного замешательства Светка позвала и их.

— Вот, — кивнула на Веру, — уезжает. Нет чтобы приехать на всё лето.

Вера удивлённо подняла голову. В Светкином письме чётко были указаны сроки: «...До двадцатого, — дальше намёк — ещё кое-кто нагрянет: — Ты же знаешь, какая у Кости обширная родня». Нет, Вера не знала, что у Кости обширная родня, но стеснять сестру не собиралась, отлично зная законы южного курортного лета.

Перед Вериним отъездом Светка в полную силу проявила свои кулинарные способности. Салаты, пироги, тушёный кролик, фрукты и какой-то совершенно немислимый торт, с которого двухлетняя Наташка-племяшка всё порывалась содрать вилкой шишечку.

Чтобы отвлечь её, Вера рассказывала сказку:
— ...Я от дедушки ушёл и от бабушки ушёл, и от тебя, заяц, я тоже уйду!

— Вера, попробуй! — Светка пытается уместить на переполненной тарелке ложку ещё чего-то бело-оранжевого. — Понравится салатик, дам рецепт. Лопай, тебе нужны калории, ишь, худющая какая...

— Спасибо, — кивает Вера и продолжает сказку: — И покатился колобок дальше...

Костя сидит напротив. Вернулся из очередной командировки ночью. А утром Веры не было — рынок, море. Только теперь вот за столом и встретились по-настоящему. Перекинулись парой слов. Пять или шесть лет не виделись? Так сразу и не вспомнишь. Где только не бывала она в свои длинные северные отпуска за эти годы! А вот в Крым — не получалось. И в этом году не собиралась, но получила Светкино письмо и решила приехать.

Костя виновато улыбается:

— Как там у вас, холодно?

— А у вас как? Всё так же жара и жара?

Физкультурник хохотнул:

— Ездишь, Константин, по стране, а ничего, значит, кроме запчастей своих вокруг не видишь!

— Ешь, Вера, ешь. Салат попробуй. В самолётах такими вкусностями не кормят. — Светка в роли хлебосольной хозяйки. — Возьми кролика кусочек.

— Спасибо, не хочется.

— А я возьму, с вашего позволения, — говорит пожилой курортник. — Потому как от обшепита сплошное расстройство аппетита!

Физкультурник снова расхохотался:

— Да, в столовых такого не увидишь. Твои бы кулинарные способности, Светлана Андреевна, моей жене. Молился бы!

Светка розовеет. Нежный такой румянец на щеках.

— Ска-а-зку, — тянет Наташка. — Колобок...

— Катился-катился и повстречал медведя, — снова заводит Вера.

— Иди, Натка, ко мне. Дай тётке Вере поесть перед дорогой, — Светлана берёт дочь на руки. — Неизвестно, когда она теперь снова сядет за стол.

— Да ещё за такой! — Пожилой курортник вытирает лысину. — Хотя я здесь гость случайный, позволю себе тост сказать: за хозяйку!

— Нет-нет! — Светка машет рукой. — У нас есть за что выпить...

Но все поддерживают курортника, и Светлана это приятно. Приятно сидеть в разношерстной компании, приятно чувствовать себя хозяйкой, матерью, этаким центром дома. На секунду Вера встречается с сестрой глазами.

Наташка снова рядом, у Вериного места, тянет её за руку — дальше!

— А дальше лису встретил. Спел ей свою песенку, а лиса и говорит: «Сядь мне на нос и ещё раз спой!»

Наташка делает круглые глаза:

— Съест!

— Да нет, — Вера оглядела стол. — Не стала она его есть, а наоборот, всякой всячиной угостила. И покатился колобок дальше...

— Папа! Укатился! — Наташка восторженно хлопает в ладоши.

— Укатился, — подтверждает Костя. — Катился и катился и стал совсем не аппетитный. Зачерствел, припылился. Уже и рад бы, чтоб съел его кто, да желающих нет. — Костя разводит руками — такой вот, друзья, мол, тяжёлый случай.

Вера невольно улыбается. Курортники усиленно навораживают кролика.

Физкультурник стучит ножом по тарелке: тоже хочет сказать тост. В честь благодатного края, который всегда рад гостям и щедро дарит своё тепло северянам. Который не прощается с ними, а говорит: «До свидания. До встречи следующим летом!»

Костя сосредоточенно ковыряет вилкой фаршированный перец. Пожилой курортник, не переставая жевать, хмыкает: дорогое, мол, удовольствие! Курортник в шортах, до этого не проронивший ни слова, блаженно жмурится — винцо на славу. Действительно, оно удалось Светке, как и многое другое.

Главное, не отступать от рецепта, объясняет она свои удачи. Выдержать пропорции — ну, вес, чтобы до миллиграмма, время...

— Светлана Андреевна у нас лучший математик в школе, — говорит физкультурник и тут же поворачивается к Вере: — А художникам

ведь тоже, кажется, все эти граммы-пропорции нужны в работе, а? Это нам, профанам, искусство — праздник! Художнику важны соотношения всякие, законы, формулы, да? Жаль, уезжаете, есть тут недалеко места красоты удивительной — только рисуй! И никакого народу. Когда летите? Поздно вечером? Слушайте, — загорелся вдруг, — сдайте свой билет, пока не поздно, у меня колёса на ходу. Завтра покажу такой пейзаж — пальчики оближете! Бывали на Тарханкуте?

— Да мы с ней в своё время весь Крым излазили, — снисходительно роняет Светка. — Как выходной или каникулы — так сразу в горы, в лес или ещё куда. Да, Вер? Иной раз вспомнишь — до чего же здорово бывало!

Бывало. Правда, Светлана в те времена не особенно увлекалась туризмом. Походы терпеть не могла, и всегда, даже в самых коротких, приходилось с ней мучиться. Но тогда Вере казалось, что Светка тянется за ней, и это даже где-то льстило. Как же она ошибалась! А впрочем, так ли уж хорошо она понимает сегодняшнюю Светку? Взять это письмо — единственное за шесть лет. «Пора... Просто необходимо увидеться...» «Всем вместе собраться...» Чего ждала Светка от этой встречи? Зачем ей понадобилась Вера? Посмотреть, какой стала старшая сестра? А если «вместе собраться», то почему именно в то время, когда муж в командировке?

Физкультурник заглядывает Вере в лицо:

— Так приедете?

«О чем это он?» — Вера отворачивается.

У физкультурника близко посаженные выпуклые глаза и хлебные крошки на усах.

Ответила всё же:

— Следующая встреча — на севере. Там тоже есть что посмотреть.

Физкультурник снова скалит зубы, словно она сказала что-то отменно остроумное.

Зачем собрала Светка это странное застолье? Ладно — друзья. Но зачем здесь этот физкультурник? И курортники? А во главе стола она, щедрая розовощёкая хозяйка.

Мыли посуду. Кухня у Светки сияла кафелем. И газ провели, колонку поставили, в старом чулане оборудовали ванную.

— Да всё это недавно. Но тут что ни сделай, — вздыхает Светка, — лучше не будет. Тесно. Очень тесно. И комнаты, и кухня, и коридор — всё крошечное, особенно не развернёшься. А как мучаемся летом, когда гости! И не пригласить нельзя, всё-таки у моря живём. А пригласишь — никакого отдыха, одни мучения. Но мы нашли выход. Знаешь, мы решили этот дом продать, — Светка внимательно посмотрела на Веру. — Ты как, возвращаться не думаешь?

— Да нет.

Светка понимающе кивает головой.

— Конечно, там у тебя всё-таки какие-никакие перспективы, работа интересная. Здесь тебе так никогда не устроиться, просто негде. И квартира у тебя не чета этой развалине. Значит, ты не возражаешь, если мы этот дом продадим? Понимаешь, тут такая формальность, на продажу требуется твоё разрешение... Наследницы-то мы, получается, обе. Конечно, если вдруг надумаешь вернуться, часть дома, вернее, стоимость... — Светка на секунду смешалась. — Или как захочешь... деньгами... или...

— Я согласна.

Всё равно ничего не осталось от их старого дома, всё перестроено и перекроено.

— Тогда давай сейчас в нотариальную сбегаем, а? Документы готовы. Это всего полчаса отнимет. Не хочется откладывать. Я уже дом присмотрела: там участок в три раза больше нашего, молодой сад... Сама знаешь, что такое фрукты, — всегда живая копейка! И дом просторный, хотя, конечно, запущенный страшно... Но и это хорошо, с одной стороны, — недорого продают, правда, придётся повозиться...

Светка оживилась, разволновалась даже, рассказывая, какие она наметила переделки в том новом ещё не купленном доме, какой ремонт, какие достала обои для детской и какие — для спальни.

— Да я покажу, если хочешь.

— Некогда уже, — Вера сняла фартук. — До автобуса три часа, а мне ещё вещи нужно уложить.

— Конечно, конечно, — понимающе кивает головой сестра. — Тогда быстро к нотариусу, это рядом, через улицу. Я с ним уже договорилась... по телефону.

Потом были поспешные сборы. Светка заворачивала в целлофан огромную бройлерную ногу, бутерброды, мыла и вытирала персики — «прямо с дерева!», наполнила компотом огромную бутылку иностранного происхождения.

— Зачем все это? — Вера в растерянности. — Я не собираюсь носильщика брать.

— Мы проводим! Не съешь, так выбросишь! В самолётах сейчас, сама говорила, не очень-то кормят.

— Да что со мной случится, если и не поем?

Но возражать Светлане бесполезно. Нагруженные чемоданом, сумками и корзинкой, двинулись на автостанцию. Последние рукопожатия, поцелуи у автобуса, идущего в аэропорт.

— Не забывай нас, — Светка неожиданно всхлипывает. — Совсем затерялась на своём Севере. Как мама умерла, ни разу ведь не приехала. И позвони, слышишь, обязательно позвони, как долетела.

Костя улыбается напряжённо и больно стискивает Верину ладонь. Обещает нагрнуть — чем чёрт не шутит! Должность у него такая — колесить по стране. Звучит непрестижно — снабженец, но нужнее работника на заводе нет. Вот и мотается. И не без личной выгоды, бесплатно путешествует. Мало кто может похвастаться, что умывался водой из Байкала, Охотского и Белого морей, не говоря уже о Чёрном, — и всё это в один год!

— Не трещи, — останавливает его Светка. — Помоги с багажом.

Последний взгляд, слабый кивок: как ты? Я-то в порядке, а вот ты... вечно командированный, ты как, бедный колобок?

Вера открыла глаза — такси остановилось. Расплатилась с водителем, взяла саквояж, корзинку с сумкой и медленно потащила к подъезду, а потом — с этажа на этаж, так же медленно, подолгу отдыхая на площадках. Лифт на ночь почему-то отключали. Наконец-то шестой. Отыскала ключ. Дверь за нею захлопнулась, мягко шлёпнулся на пол саквояж.

Всё! Всё по-прежнему, никаких изменений, если не считать слоя пыли на полу и зеркале. Как будто никуда и не уезжала. Вера стягивает

свитер, роняет на пол. Нагибаться лень. Устала, и очень хочется есть, чайник — на плиту, включить холодильник и — под душ.

Вначале — под горячую, потом — под холодную струю. Вера долго растирается полотенцем, влезает в тёплый халат, в комнате прохладно. Это тебе не жаркая южная ночь, когда нечем дышать, несмотря на раскрытые настежь окна.

Поёживаясь, заваривает чай, достаёт приготовленные Светкой бутерброды. Действительно пригодились. А бройлерная нога пусть пока посидит в холодильнике. И яблоки туда же с персиками заодно. Наливает чай — огромную бульонную чашку, берёт бутерброд с сыром и идёт в комнату. Опустившись в кресло, впивается в хлеб зубами, запивает маленькими глотками чая. Глаза скользят по акварелям над рабочим столом. Давно пора их снять, пока окончательно не выгорели. А над диваном убрать наброски и снова повесить «Дорогу на Ай-Петри».

Дорога на Ай-Петри...

Допив чай, Вера встаёт с кресла, перебирает журналы на столе. «Дорога на Ай-Петри» — лучшая работа молодой талантливой художницы...» Даже какие-то отзывы были! Собственно говоря, статьи всего две — в молодёжном журнале и в областной газете. Приятно, конечно, но было и кое-что поважнее их — картину хотел купить Дворец молодёжи. Почему она не продала? Глупая потому что...

Вера встаёт, шлёпает босыми ногами в конец коридора и достаёт из кладовки «Дорогу...», ставит на диван. Лес — охра и золото — середина октября. В центре — двое, во весь рост, идут по пустынной лесной дороге. Господи, как давно это было! И было ли? Может быть, всё просто придумано в одну из таких вот белых ночей, когда не спится и разыгравшееся воображение подсовывает одну картину фантастичнее другой? Один из вариантов её неоконченной серии «Ночные фантазии».

Вера никогда не празднует дней рождения. А здесь, на картине — именно день её рождения.

День рождения.

С треском лопается кожура падающих каштанов.

— Открой портфель!

– С чего это вдруг?
 – Открой, говорят!
 – День рождения нужно праздновать так, чтобы потом полвека помнить!
 – Очень авторитетное заявление. А дальше что?

– Едем на Ай-Петри!
 – Что, прямо сейчас? – Ирония до него не доходит.

– Само собой. День рождения-то у тебя не в воскресенье!

– Здравсьте! А уроки?
 – Да что тебе сделают за единственный прогул? – изумляется он.

Аргумент убедительный.

– У меня-то, положим, единственный, зато у тебя... Вот где ты вчера пропал? Классная просто расвирепела. Пусть, говорит, только явится без родителей! Так что готовься.

Глазеющие на них и по сторонам старухи чинно сидят на лавках, поджидая автобус. Они куда едут? Тоже на Ай-Петри? Может быть, у кого-то из них тоже день рождения.

– Вот видишь, мне тоже можно не ходить в школу со спокойной совестью – всё равно бы сегодня выгнали за матерью. Выход один – ехать на Ай-Петри!

– Тогда мне дома никакого дня рождения не будет, – подумав, сказала она. – И вообще, ты представляешь, как далеко это ехать?

– Да чего ты трясешься, у меня всё, как в аптеке, рассчитано.

– А я на вечер девчонок пригласила.

– С тобой бесполезно разговаривать! – возмущается он. – Полчаса долблю: открой портфель! – кладёт в него большой синий конверт.

– Что это?

– Дома посмотришь, а сейчас давай быстренько вперёд – экипаж подан!

Огромный красный автобус остановился у самой дальней платформы.

– А билеты? – ей всё ещё не верилось, что это не розыгрыш, не глупая шутка.

– Стал бы я приглашать тебя, если бы не было билетов?! – он ухмыльнулся. – Давай быстрее! У тебя будет единственный в жизни настоящий день рождения.

Пророческие были слова. Действительно,

такой день рождения – единственный. Такого больше не было.

Они сели в автобус, который довёз их до Соколиного, последнего села в предгорье, а дальше пошли пешком, надеясь подъехать на каком-нибудь туристском транспорте или попутной машине. Но машин в октябре на горной трассе мало.

Они шли и шли, взявшись за руки, поворот за поворотом, вперёд и вверх. Дробно застучал по листьям мелкий дождь, зашелестел в листве орешника у дороги, в лесу. Становилось всё холоднее и холоднее, а они шагали, то болтая, то молча. Почти выбились из сил, когда, наконец, снизу донёсся напряжённый гул берущего крутые подъёмы мотора.

Дальше ехали на грузовичке, который вёз продукты в заповедник. Дорога становилась всё круче, звук мотора всё напряженнее, громче – говорить было невозможно. Они молчали, боялись шевельнуться, прижатые друг к другу теснотой кабины. Шофёр тоже молчал. Высадив на плато, ткнул пальцем в сторону ресторанчика – в четыре там останавливался автобус из Ялты на Бахчисарай, им можно вернуться вниз.

Когда отправлялись с автостанции, утро обещало почти летнюю жару. В долине предгорья стояла ясная тёплая погода, щедрыми красками были расцвечены сады и леса на склонах гор. А здесь, наверху, царил поздняя осень. Пронизывающий ледяной ветер гнал, рвал в клочья облака. Они сразу промерзли до костей и побежали через эти белесые клочья тумана, подставляя лица резким крупным каплям, спотыкаясь о камни и спутанные, выпирающие из земли корни высокой жёсткой травы. Кричали и дурачились, бежали, пока не оказались на ограждённой смотровой площадке, откуда с головокружительной высоты открывался изумительный вид на безмятежную, залитую солнцем Ялту.

Спать расхотелось. Некоторое время Вера сидела в кресле, глядя на холст. Теперь, по прошествии времени, она видела недостатки картины – излишнюю подробность в деталях, всё слишком ярко, слишком живописно. И эта фотографическая точность лиц. Девочка с плотно сжатыми губами и упрямым взглядом

человека, твёрдо определившего свой жизненный путь, и добродушно улыбающаяся физиономия её соседа по парте, который пока ещё даже не подозревает о существовании профессии инженера-снабженца.

«Перепишу», — решила Вера. И усмехнулась собственной глупости. Разве можно что-то исправить? Никогда она не возвращалась к старым работам. «Дорога...» останется такой, как есть, со всеми своими ошибками.

И нужно же было ему вернуться из командировки в этот последний перед её отъездом день! Что-то успел провернуть пораньше, вырвал какие-то там поставки досрочно и прилетел. Разрушил сложные Светкины расчёты — не всё, оказывается, можно рассчитать, даже талантливые математики ошибаются.

Вера потянулась к нижнему ящику книжного шкафа, где хранились какие-то старые звукозаписи, пластинки. Долго перебирала конверты, наконец нашла — истёртый, самодельный, из плотной синей бумаги. Подняла крышку старого проигрывателя. Сдавленный от волнения, изменённый микрофоном незнакомый голос: «Дорогая Вера, поздравляю с днём рождения. Желаю...»

— Так где же ты вчера был? Лира Петровна...

— Ну, заладила: Лира-Лира! Она отличная тётка. Извинюсь, пушу слезу, скажу, что не с кем было оставить младшего брата, и всё такое. Простит. Она всегда и всех прощает. Что ей ещё остается делать? И потом это ж завтра будет. Дожить надо! Вернуться, как говорится, живыми с задания. Знаешь, что такое дорога на Ай-Петри осенью? — сделал страшные глаза. — А если дождь? А может быть и снег! Так что забудем о завтра. А вчера я совершил исторический акт — записал свой голос для потомков. Ведь будут же у нас когда-нибудь дети! Ну и внуки, само собой. Представь: в каждый твой день рождения — и через пятьдесят лет, и через сто, — они, а потом — их дети, будут собираться на большой семейный праздник! Может, десять человек, а может, и в десять раз больше — неважно! Главное, будут собираться, обсуждать семейные проблемы, разбирать поведение какого-нибудь Константи-

на-семнадцатого, удравшего с уроков в путешествие по Солнечной системе, ну, или чего-то натворившего... Но первым делом, собравшись вместе, они будут включать допотопный такой проигрыватель, ставить эту пластинку — семейную реликвию и в торжественной обстановке слушать голос своего предка... Чего смеёшься? — возмутился. — Абсолютно ничего смешного!

— Но зачем эта «реликвия» мне?

— Ну, женщины, они вообще склонны собирать и хранить всякий такой хлам. У тебя надежнее!

— Это тебе только кажется. Мать моя сжигает всякие ненужные вещи, а когда был жив отец, так он просто трясся над всякой чепухой. Болты, марки, монеты... Целые коллекции остались.

— Присоедини к ним и пластинку.

«Дорогая Вера!..»

— Где ты шатаешься? — Мать домывает пол на веранде. — Где ты была? С кем это видели тебя на автостанции? Куда ты ездила?

— Это моё дело!

— Твоё?! В таком возрасте по ночам шляться — твоё? Был бы жив отец, он бы тебе показал. — На глазах у матери появляются слёзы. — Где ты была? С кем?

— Вера, ты начинаешь жить не с того. — В углу дивана — классная, Лира. Как Вера сразу её не заметила? — Почему ты молчишь? Тебя видели.

Кто? Рано утром на автостанции, кто был там, среди едущих на базар старух? Кто следил, вольно или невольно и не поленился сообщить не только матери, но и Лире?

— От кого эта записка, Вера? — В руках классной дамы — белый клочок бумаги. — «Жду в семь на автостанции». В семь! А сейчас почти двенадцать ночи. И мы ждём тебя, волнуемся. Ты подумала о матери, Вера?

У Лир тихий, деланно-спокойный тон, у матери — гневно-раздражённый.

— Ращу их одна, надрываюсь... Вот и благодарность за всё хорошее!

Вера ложится в постель.

— Светка! — зовет шёпотом сестру. — Спишь? Слышишь, кто мог видеть нас и так всё раздуть?

Ни вдоха, ни звука не доносится с кровати, стоящей у противоположной стены.

Вера встаёт с кресла, выключает свет.

Утро. Низкое яркое солнце вынырнуло из-за сопки, отразилось, дробясь, сразу в сотнях окон нового микрорайона. Вера открыла раму. Холодный ветерок с залива ворвался в комнату — куда делись и запах пыли, и дремотное состояние! Мимо дома, шурша шинами, прокатил первый троллейбус. Хлопнула внизу дверь подъезда, выбежал бодренький старичок в спортивном облачении, потрусил к стадиону. Следом бежала молодая овчарка.

Нет, спать не хотелось. «Поработаю, — решила Вера, — жаль терять такое утро».

Взгляд упал на картину. Вера сдёрнула несколько карандашных набросков со стены и, на шарив рукою давно забитый гвоздь, повесила на него «Дорогу на Ай-Петри». Вещь, конечно, далёкая от совершенства. Но и ей не семьдесят лет — всё ещё впереди.

Искусство короткого рассказа

Он учил нас писать. Разбирая рассказ или стихотворение, кратко отмечал достоинства, потом переходил к недостаткам. И тут никого не щадил — ни новичков, ни старичков, ни чувствительных поэтов. Зачитывал вслух особо выдающиеся перлы, препарировал неловкие фразы, безжалостно высмеивал ляпы. Некоторым, прежде чем снова садиться рифмовать, советовал проработать учебник русского языка. Он был поборником правильной речи, не терпел вульгаризмов и уж тем более мата, насмеялся над любителями иностранных слов. Ему всё прощали. Он был Поэт. Издавший больше десятка книг, он имел на это право. Особо ранимые личности после первой порки исчезали с горизонта литобъединения. Более стойкие продолжали являться на заседания, хотя свои рукописи на обсуждение давали неохотно. Но были, как ни странно, и любители острой критики — в основном просто графоманы, которые, несмотря ни на что, продолжали творить свои опусы, и тут же с пылу с жару несли их руководителю ЛИТО для разбора. Он принимал всё, добросовестно читал и так же добросовестно анализировал. То есть чаще всего разносил в пух и прах. «Надо знать свои ошибки, иначе никогда не нау-

чишься писать», — вздыхала инженерша, носившая ему стихи особенно часто.

Как-то на очередное заседание она пришла не одна, а привела с собой соседку по дому — невысокую и невзрачную, с аккуратным светлым хвостиком волос. Никто не обратил на неё внимания, случайные гости не редкость.

Февраль на севере — месяц тяжёлый. Куда не сунешься в поисках маленького праздника, способного скрасить долгую полярную ночь!

Потом, когда мы уже познакомились ближе, Наташа сказала, что на ЛИТО пришла совсем не случайно, не ради любопытства или развлечения. С детства писала стихи и просто умирала — так хотела увидеть их напечатанными. (А кто из пишущих не хочет?) Пусть даже и в газете. Но на наших заседаниях она появлялась нечасто — её муж стихотворства не одобрял и тех, кто регулярно ходил по воскресеньям в читальный зал городской библиотеки, называл неудачниками. Ну, не смогли люди приблизиться к настоящему делу. Лично ему повезло, он нашёл своё место в жизни, стал лётчиком морской авиации, чем очень гордился. Послушать Наташку, так муж её со всех сторон был образцовым. Впрочем, возможно, так и было.

Как-то он приехал за ней на машине. После этого наши поэтессы — в большинстве своём одинокие, — увидев его в кожаной куртке, подчеркивающей все достоинства мужской атлетической фигуры, долго гадали, как красавец, с которого только плакаты писать, женился на такой серой мышке!

У Наташки было худое лицо с большими голубовато-серыми, как будто испуганными, глазами. Они становились ещё больше и ещё испуганнее, когда мэтр потрошил наши опусы. Она его откровенно боялась, потому долго не решалась вынести на суд общественности свои стихи. Но однажды в апреле мэтр сам попросил её прочитать что-нибудь — познакомиться, так сказать, со своим творчеством. Она покраснела, читать отказалась, но, уходя, осторожно положила ему на стол несколько рукописных страниц. И, к нашему изумлению, вскоре пара её стихотворений появилась на литературной странице городской газеты, хотя на ЛИТО мы их не обсуждали, что было просто-таки нарушением правил. Тогда — не то что сейчас! — напечататься даже в газете было очень непросто. Впрочем, нам и без того было что обсуждать.

Самый старший из нас после лирической книги стихов, выпущенной местным издательством тысячным тиражом, вдруг взял да и наваял роман. Не помню названия, но что-то там было о любви и верности. Или о верности и любви? Не очень оригинально, согласился автор, но отражает суть. Роман, как и большинство первых романов, был в какой-то степени автобиографичный. О том, что всем нам, живущим в Заполярье, было более-менее близко и знакомо. Поскольку он был моряком, там были страницы и о плаваниях в далёкие страны, и о женщине, месяцами ждущей его на берегу.

И вот на майском, последнем перед летними каникулами заседании должен был состояться разбор этой книги. Явились все, даже те, кто посещал ЛИТО от случая к случаю. Роман для нашего литобъединения — событие. Никто даже в мыслях не замахивался на столь крупную форму. Прозаиков вообще было раз-два и обчёлся, наши «литовцы» писали главным образом стихи. А тут целых триста страниц текста

— просто глыба! Рассевшись по местам, мы благоговейно оглядывались на нашего «старика»-мичмана — ему тогда было едва за сорок, — он скромно восседал за последним столиком. Все роман прочли, и все как один были от него в восторге. Но что скажет мэтр? Затаив дыхание, ждали его веского слова.

«Роман — это хорошо», — начал он и замолчал. Поднялся с места и прошёлся от стола к окну и назад. Оглядел нас, сидящих, как школьники, попарно за столиками читального зала, и низким, хорошо поставленным голосом часто выступающего на публике поэта заговорил снова. Но почему-то не о романе про любовь и верность, а о своей любимой поэзии.

«...Избитая истина не перестаёт быть истинной — настоящий поэт всегда творит на волне любви. Возьмите Петрарку, Шекспира, Пушкина. Состояние влюблённости бесценно для творчества, только в этом состоянии и можно сотворить то, что потом назовут шедевром. Но, по закону подлости, это чувство почти невозможно сохранить в семье. Размеренный быт убивает влюблённость, убивает поэзию. Поэту нужна свобода. Иначе он не поэт».

Все сидели молча, пытаюсь понять, каким боком эта его мысль связана с романом. В романе-то как раз наоборот, больше о верности было.

Он сделал паузу и, как мне показалось, с суровой укоризной посмотрел в нашу сторону. Понятно, мы с Натальей были заложницами семейного быта. У меня тогда уже и дочь была. А Наташа вдруг заволновалась. Думаю, не потому, что поняла, что ей не светило стать новой Сафо или Ахматовой, а потому, что наш мэтр умел заражать окружающих своими эмоциями. Помимо критического дара, он обладал ещё и даром говорить проникновенно о самых банальных вещах.

Он снова прошёлся от стола к окну и обратно. Остановился. Поднял голову и начал читать свои новые стихи. Мы замерли, внимая каждому его слову. Кто знает, может быть, среди них есть и шедевры? Может быть, мы когда-нибудь будем вспоминать, как он нам их читал? Высокая фигура в белом свитере домашней вязки, с длинной гривой тёмных, с лёгкой проседью волос, падающих на плечи, выглядела очень романтично.

Потом, словно очнувшись, вспомнил о теме заседания. И другим, неуверенным, каким-то даже смиренным голосом сказал, что не может разбирать столь крупные прозаические произведения. «Я пишу иногда короткие рассказы о любви, но это ближе к поэзии... Всё-таки в первую очередь я поэт».

— Он просто не читал книгу, — шепнула мне Наташа.

Мне показалось, мэтр её услышал, поскольку тут же произнёс:

— Я, признаюсь, ещё не прочитал роман. Вы уж извините... Вот квартиру дали. — И тут же обратился к мичману с просьбой помочь ему с переездом.

Все сразу отвлеклись от романа и бросились его поздравлять. Он столько лет снимал с семьёй какое-то жильё чуть ли не в двадцати километрах от города, а тут — такой подарок!

— Где?

— Какая?

Оказалось, почти в центре, недалеко от библиотеки.

В следующий раз мы с Наташей увиделись в середине июля. В один из ярких солнечных дней она неожиданно приехала ко мне в гости. Северная зелень бурным ростом праздновала разгар лета, и стояла такая необычно тёплая для этих краёв погода, что невозможно было усидеть дома. Мы решили прогуляться. Прошлись по склону сопки, полюбовались замечательным видом на залив и новый микрорайон, но лишь под конец прогулки она внезапно сообщила, что уезжает. Нет, не в отпуск, а навсегда.

— Навсегда? — поразилась я. — Когда?

Оказалось, буквально на днях.

— Вот что значит жизнь супруги полярного лётчика — себе не принадлежишь, — пробормотала я, не зная, что ещё сказать.

— Он был такой на себя непохожий, такой беззащитный, — вдруг произнесла Наташа. На глазах у неё появились слёзы, она обняла меня и начала говорить тихо и сбивчиво. Вот с такой же интонацией и так же тихо Наташа читала свои стихи.

Она рассказала о нескольких белых ночах

полярного лета, когда солнце почти не исчезает за горизонтом. О залитых светом гулких комнатах новой квартиры, стены которой ещё не слышали стихов. О солнечных квадратах, что стелились в полночь по паркету вместо простыней... Но даже белыми ночами случается спать. Пробуждение — внезапное появление жены поэта, которая вообще-то не должна была появиться, поскольку проводила свой отпуск в санатории. Скандал. Рапорт. Перевод Натальино мужа на Дальний Восток.

Наталья исчезла из моей жизни так же внезапно, как и появилась.

А мы отправились отдохнуть к бабушке в Крым. За время, проведённое у Чёрного моря, я почти забыла эту меня не касавшуюся в общем-то историю. Да и для стихов на юге как-то не находилось времени. Евпатория, море, экскурсии, встречи... Лишь вернувшись в августе в свой город, попыталась изложить на бумаге впечатления от летнего отдыха. Но, просидев за столом довольно долго, поняла вдруг, что никогда больше не буду писать стихов.

На первое после летних каникул заседание ЛИТО я принесла рассказ, который написал сам собой, словно под диктовку знакомого голоса. Он был о белых ночах полярного лета, когда солнце почти не исчезает за горизонтом, о залитых светом гулких комнатах новой квартиры, стены которой ещё не слышали стихов, о солнечных квадратах, что стелились в полночь по паркету вместо простыней...

Освежённые каникулами «литовцы» меня дружно раздраковали. Особенно старалась поэтесса-инженерша, почти кричавшая, что в жизни так не бывает.

Случилось всё это довольно давно, но я хорошо запомнила слова мэтра, который слушал нас не перебивая, а потом произнёс: «Искусство короткого рассказа заключается в том, чтобы в несколько предложений вместить целую жизнь. Но главное... Главное, сделать это так, чтобы тебе поверили, — бросив быстрый взгляд в мою сторону, добавил: — Я верю».

Подруги

Чаще всего дружеские отношения основываются на каких-то общих интересах. Но что общего между Верой Петровной и Еленой Петровной? Только то, что отчества совпадают и обе преподают один и тот же предмет. А в остальном они полная друг другу противоположность. Елена Петровна — быстрая, Вера Петровна — медлительная. Елена живёт одна, у Веры большая семья. Елена маленького роста и хрупкого телосложения. Вера — женщина высокая и крупная.

Елена всегда безукоризненно одета, любит изысканные костюмы и украшения, носит дорогие туфли на немыслимом каблуке и косметикой пользуется дорогой. Огромные чёрные глаза кажутся ещё больше от подводки и трёх слоёв туши на длинных ресницах. Пухлые губы сияют перламутровой помадой. На плечи падает чёрная грива прямых густых волос.

А Вера всегда опускает глаза, проходя мимо больших зеркал. «Смотреть на себя не могу», — с тихим отвращением говорит она. Пугают её собственные сто кило, облачённые в балахон «а-ля Пугачёва» из дешёвой синтетики. Не желает она видеть ни широконосые туфли на плоской подошве, ни рыжие химические кудряшки над бледным, словно выцветшим лицом. И уж если ей случается чуть-чуть подкрасить губы, то делает она это, пользуясь крошечным зеркалом своей древней пудреницы.

Для меня долгое время оставалось загадкой, что же их связывает. Возможно, это и не так, но я пришла к выводу, что в основе их тесной многолетней дружбы лежит... зависть. Не злобная тяжёлая, а лёгкая, может быть, слегка приправленная любопытством.

— Хорошо тебе... Ты не знаешь, что такое одиночество, — вздыхает Елена Петровна. — Дом, семья, полно народу.

— Ага, — кивает Вера Петровна. — Что верно, то верно. Народу много, и скрыться от него некуда. День расписан по минутам, и все эти ми-

нуты принадлежат этому самому народу. Подъём в половине седьмого — это в лучшем случае. Голова ещё спит, а руки уже работают, младшего поднимают-одевают, потом — бегом на кухню готовить завтрак. Кормишь, сама кое-как одеваешься, тащишь младшего в сад. Попутно дочь доводишь до школы. Потом — на работу. За пять минут до звонка влетаешь в учительскую, чтобы взять журнал. И хорошо, что за пять минут, — завуч не успевает мозги прополоскать. После работы на всех парах — в детский сад, одеваешь ребёнка, волочишь на себе домой. А дома уже второе дитяtko ждёт, надо уроки помочь сделать. Справились с задачей по математике — время готовить ужин. А ещё уборка, стирка, глажка... Да я просто ломовая лошадь, которая день за днём тащит семейную повозку.

— Ты не знаешь, что такое одиночество. Это пострашнее любой домашней работы. И что такое жизнь в общежитии не знаешь. Это... — Елена Петровна поднимает к потолку свои прекрасные глаза. — Это непередаваемо.

— Я жила в общежитии, — возражает Вера, — в студенческие годы.

— Вот именно, в студенческие годы. В студенческие годы жить в общежитии — это в кайф. Общение, друзья, вечеринки, дискотеки — никакого одиночества. Воспринимаешь всё остро, всё интересно, не то что сейчас, когда тебе давно за тридцать. В мои тридцать пять уже надо иметь дом или квартиру, мужа и ребёнка. Ну, или хотя бы что-нибудь одно из этого набора. У меня же ничего! Проснёшься ночью — темно и страшно. Вокруг — пустота. Только часы отстукивают секунды и минуты... и с каждым днём всё быстрее, быстрее... — В глазах Елены Петровны появляются слёзы, но она быстро берёт себя в руки. Слёзы — это роскошь, которой она не может себе позволить, во всяком случае — на людях. Потечёт тушь, поплывёт макияж, на который потрачено не меньше часа утреннего дра-

гоценного времени. — Да что я говорю! Тебе меня не понять. У тебя вон полный комплект.

— Комплект! — с негодованием восклицает Вера Петровна. — Знала бы, каких сил стоит обслужить этот комплект. Вечная раба... А ты... — Вера с завистью оглядывает нарядную подругу. — Ты сама себе хозяйка. Выглядишь как принцесса, живёшь как королева, хочешь — спишь, хочешь — ешь...

Вера Петровна действительно не понимает, как можно жаловаться на то, что всё свободное от работы время твоё, и все деньги, которые зарабатываешь, тоже. Но в то же время где-то внутри она чувствует, что именно её жизнь идёт так, как надо, как принято, и по-женски жалеет свободную и независимую Елену Петровну. И, жалея, пытается знакомить её с каждым свободным от брачных уз мужчиной из тех, что попадают в поле зрения.

Пару раз она приглашала на совместный ужин Елену и приятелей мужа, которые по каким-то причинам освободились от семейных уз. Потом пыталась свести её с одиноким соседом по дому, замшелым холостяком, потом — с директором Дома быта, в котором когда-то работала. Но почему-то обычно дальше первого, редко — второго свидания дело не шло. Может быть, права школьная уборщица Марья Игнатьевна, говоря, что на Елене порча, венец безбрачия? Но эту мысль Вера Петровна держит при себе, чтобы ещё больше не расстраивать подругу.

В это воскресенье в гостях у Веры с Валерой давний приятель мужа Володька Васечкин, завернувший к ним по пути в сакский санаторий. И Вера Петровна, конечно, не может устоять перед соблазном сделать очередную попытку познакомиться его с Еленой. Тем более что выходные — так и так нужно печь праздничные пирожки. Зная, что пунктуальностью подруга не отличается, в двенадцать Вера на всякий случай делает контрольный звонок.

— Обед в два, — напоминает. — Не опаздывай.

— Ну, не знаю, это так похоже на смотрины, — колеблется Елена, хотя уже два часа провела перед зеркалом, меняя наряды и размышляя, что же ей надеть.

— Какие ещё смотрины! — притворно сердится Вера Петровна. — Я тебя на обед приглашаю. Ты же горячего почти не ешь, одни бутерброды

с чаем. А я сегодня борщ приготовила, курицу в духовке запекла, — соблазняет.

— Ладно, — сдаётся Елена. — Только никаких пошлых намёков, — предостерегает, — вот, мол, одинокая женщина и всё такое прочее... Знаю я твоего Валеру.

— На эту тему он будет молчать как рыба, — заверила Вера. — К тому же им и без того есть о чём поговорить — десять лет не виделись.

Всё идёт по отработанному сценарию. Обильный обед, потом дети убегают играть, а взрослые — Вера с мужем, Елена и маленький, но глядящий орлом сорокалетний капитан Васечкин ещё некоторое время сидят за столом, на котором теперь только бутылка вина, привезённая капитаном, торт, принесённый Еленой, и пироги, испечённые Верой. Разговор кажется Елене Петровне неестественно весёлым, шутки — подозрительными. Уж не над ней ли подсмеиваются? Даже вино её не расслабляет. Губы поджаты, смотрит в сторону. Сразу после чая она поднимается, прямая и гордая:

— Мне пора.

Валера наступает под столом другу на ногу, и капитан идёт её провожать. Благо, недалеко. Возвращается быстро. Моющая посуду Вера смотрит вопросительно, Васечкин в ответ пожимает плечами.

— Она очень славная, — вздыхает Вера Петровна, уже понимая, что и на этот раз ничего не вышло.

— Вижу, — отвечает капитан. — Только сама подумай, зачем она мне такая славная, да ещё и на севере? Что я с ней делать буду? Поставить на рояль и любоваться? Она же не то что ты. Она... — машет в воздухе рукой, подыскивая подходящее слово. — Она... декоративная женщина, одним словом. Не для нашей солдатской жизни.

Мужчины уходят в комнату посмотреть футбол, а Вера в кухне набирает номер Елены.

— Вера! — возмущается та. — Ты опять устраивала смотрины! Сколько раз я просила тебя этого не делать! И потом как ты могла подумать, что мне может понравиться такой... такой недомерок?

— Да он замечательный мужик, — оправдывается Вера. — И такой одинокий.

— Не в моем вкусе, — отрезает Елена Петровна. — И потом он же служит в гарнизоне, пят-

надцать километров от города! На севере, у чёрта на куличках!

— И Игнатов был не в твоём вкусе, хотя живёт в центре города и ездит на «Опеле», — не может сдержаться рассерженная Вера Петровна, которой жаль и своих усилий, и подругу, и непутёвого Васечкина, одиноко кукующего, тихо спивающегося в своём удалённом от цивилизации гарнизоне.

На следующий день Вера Петровна и Елена Петровна, как всегда, когда у них случилось общее «окно», то есть ни у той, ни у другой не было урока, пили чай в подсобке. О вчерашнем обеде не вспоминали. Собственно, и вспоминать было не о чем. Ну, не случилось чуда. А не случилось, так о чём говорить?

Елена рассеянно слушала о проказах Веринного младшего и о том, какая трудная сейчас программа в первом классе, попутно изучала новый журнал мод. В подсобку заглянул завуч.

— Иванцова позвонила, опять на больничном.

— Пусть её практикантка заменит, — не отрываясь от журнала, тут же нашла выход из положения Елена Петровна.

— Со следующего понедельника она вообще уходит в декрет, — вздыхает завуч. — Тут уж практикантка не справится. Придётся вам взять по полставки.

Елена Петровна, хотя и жалуется постоянно на нехватку денег, брать ни полставки, ни даже четверть ставки категорически не желает.

— Конец года, экзамены, тут со своими бы выпускниками справиться. И потом как я могу правильно оценить чужих учеников? — пожимает плечами. — Поставлю кому-нибудь не ту оценку — разбирайся потом с родителями. Нет-нет. — И возвращается к модели шифонного платья на пятой странице.

— И я не могу, — торопливо говорит Вера. — У меня дети.

— У вас и бабушка есть. Надо, — настаивает завуч. — Как-нибудь справитесь.

— Я «как-нибудь» не работаю, — сердится Вера Петровна.

— Ну, войдите в моё положение, — меняет тон завуч, взывая к их профессиональной совести. — Где найти учителя английского в конце года?

Но ни Елена Петровна, ни Вера Петровна следом «входить в положение» не желают.

— В моё положение ведь никто не входит, — сердито оправдывается Вера, вернувшись в учительскую.

Елена никогда и ни перед кем не оправдывается. Да никому и дела до них нет, все спешат подготовиться к следующему уроку. Все молчат, только практикантка из университета робко интересуется, много ли часов.

— Ставка! — отвечает Вера Петровна.

— А в каких классах? — смелеет практикантка.

Но на этот раз она ответа не получает.

— Нет, ну в самом деле, почему опять я? — жалобно оглядывает всех, словно ища поддержки, Вера Петровна. — Мне и моих часов выше головы. Ещё полставки! Чтобы мои собственные дети чувствовали себя сиротами при живой матери? — возмущённо. — У них должен быть дом, должен быть обед и пироги по выходным. А я после уроков как выжатый лимон!

Все молчат. Все знают, что, если Елена Петровна говорит «нет», это означает «нет». А Вера Петровна, поартачившись, взвалит на себя очередной груз. В конце концов, должен же это кто-то сделать. Не оставлять же детей без английского накануне выпускных! Школьники-то не виноваты, что их учительница уходит в декрет. В свою очередь, Иванцова тоже имеет право иметь собственных детей. Надо поддержать коллегу. Нет, Вера Петровна должна взять эти часы. И она взяла бы. Так бы и случилось, если бы Верин младшенький внезапно не заболел ангиной.

Практикантка-третьекурсница едва верит своему счастью. Она получает право свободного посещения университетских занятий и кучу денег в придачу — все часы Иванцовой достаются ей. На факультет летит заявление: «В связи с острой нехваткой преподавателей иностранного языка...»

— Бедная девочка, — сочувственно произносит Елена Петровна, поправляя перед зеркалом причёску и любуясь безупречным макияжем, на который каждое утро отводит не меньше часа. — Зачем ей это надо? Ещё студентка, ей бы гулять и гулять...

— Бедные ученики, — качает головой Вера Петровна, меряя температуру у сына. — Чему она может их научить, если сама ещё ничего не знает?

Праздники и подарки

Тоня приподняла голову с подушки и, чуть приоткрыв глаза, скользнула взглядом по залитой солнцем бревенчатой стене. Дома. Уезжала ли она вообще? Может, и не было ничего — ни чужого города, ни дома чужого, ни странной бесснежной зимы? Но нет, было всё это, было. Вон у окна на стене приколото несколько открыток. Она сама слала их крёстной с юга.

Как рвалась она отсюда! Думала, уезжает навсегда. Думала, начинается другая, взрослая жизнь, непохожая на прежнюю — простую, незамысловатую. Она и началась в начале полярного лета, и полярным же летом — ровно через год — закончилась. Год прошёл, а будто вчера. Поёживаясь от холодного ветра, стояла она июньским утром на пристани в ожидании почты.

В лодке, плывущей к берегу от бросившего якорь корабля, углядела среди своих незнакомца в по-нездешнему яркой куртке. «Гостя тебе привёз!» — крикнул председатель кооператива, выпрыгивая из лодки и подтягивая её к берегу. Ясное дело, шутил. Какое мог к ней иметь отношение этот парень с рюкзаком? По зеленоватой бледности лица ясно было — не мореход. С виду крепкий, а едва стоял на ногах, укачало. И кольнула её неожиданная жалость — туго ему, видно, пришлось в такое волнение. Сама она морской болезни знать не знала. С детства в лодке. Помогала отцу на тоне. Да и потом, когда отца не стало, случалось, выходила в море порыбачить. Умела обращаться с вёслами и с баркасом. И зимнюю рыбалку любила — как станет лёд, ходили с Колькой за кумжей и щуками на озеро.

Но оказалось, что именно она, Тоня, и вправду была нужна незнакомцу. Он писал серию очерков о старинных сёлах и промыслах Беломорья, и его интересовала библиотека, в которой она работала.

Сохранились ли подшивки газет за прошлые годы? Конечно, сохранились, куда им деться-то! А нет ли каких-нибудь старинных книг? Он несколько раз задал этот вопрос. Но откуда им быть-то в библиотеке? Старинные книги были у Стрельцовых, живущих на дальней тоне, — не о поморах, а церковные. Стрельцовы были из староверов. Все они здесь потомки тех, кто, сберегая веру, бежал когда-то от царских «милостей» и новых церковных уставов в северные земли. Но этого Тоня говорить не стала. Незачем. Тем более, что дошли уже до библиотеки.

Тут парень, спохватившись внезапно, спросил, у кого можно остановиться на ночь. «Можно и у нас», — неожиданно вырвалось у Тони. А что? Места много. Они вдвоём с крёстной жили. Хотя обычно всех приезжих к бабке Глафире посылали. Та скучала по уехавшим в город детям и внукам. Гость хоть какое-то развлечение. И приезшему хорошо: бабка не молчунья. А выпьет рюмочку, так и песни старые поморские споёт.

Тоня песен Игорю не пела, но везде водила, всё, что могла, показала. Через три дня, стоя на берегу в ожидании корабля, Игорь посмотрел на неё и сказал, как ей показалось, со знанием, что обязательно ещё приедет. Она не поверила. Все так говорят. Туристам тут нравилось, каждый хотел вернуться. Каково же было её удивление и сколько тайной радости, когда он и вправду приехал! Через месяц. Опять вроде как в командировку от газеты.

На этот раз целых десять дней жил. Тут уж всем ясно стало, ради чего, а точнее, ради кого он здесь. Песни, заговоры, сказки поморские — это повод, а причина-то, вот она, рядом с ним, — Антониной зовут. Никто и не удивился, когда она ближе к осени в город засобиралась.

«А как же Колька? — спросила крёстная, вы-

таскивая из печи пирог с рыбой, который испекла на дорогу. — Мрачнее тучи ходит, не вишь, что ли?» Что Колька? Молчун неповоротливый. Вместе в школу ходили. В детстве дрались даже. А Игорь — это совсем другое. Сердце ныло сладко, стоило подумать, что вот ведь, издалека приплыл за ней, пусть и не под алыми парусами. Приплыл, чтобы забрать её с собой. Крёстной он не нравился. «Чужой! Чужой и есть», — сказала, отворачиваясь. Не хотела Тоню от себя отпускать. Отпустить — что потерять. Она-то знала... Муж умер от инфаркта. А сын Май утонул в море вместе с Тониными родителями: в один из осенних штормов катер, на котором они плыли, разбило о камни.

Тоне и жаль крёстную, и остаться не может. «Не навсегда еду, — сердилась, — и не за тридевять земель, а в областной центр. Вон сколько наших в Мурманске. Работу найду, учиться дальше буду. Сама говоришь, высшее образование ещё никому не повредило... На заочное поступлю».

«Отговорки это», — вздохнула крестная. Но пошла на почту звонить в Мурманск троюродной сестре — просить, чтобы та приютила на первых порах Антонину.

Только Тоня поехала совсем в другой конец города. Чего идти к незнакомой тётке, когда у Игоря своё, пусть и съёмное, жильё? Маленькая квартирка и без мебели почти, зато какой вид из окна! Весь залив как на ладони.

Вот с него-то, с залива, и подули в конце лета сырые арктические ветры.

Южанин Игорь очень мёрз. Тоня заклеила окна и делала всё, чтобы их маленький дом стал как можно уютнее. Купила занавески, скатерть. Покрасила подоконники и пол, хотя Игорь этого и не одобрил, ведь чужая квартира. Он уходил на работу, а она шла по магазинам. Вернувшись, смотрела в окно. Людей в городе много, а поговорить не с кем, все чужие, все спешат...

Набравшись смелости, зашла в ближайшую школу узнать, не нужен ли библиотекарь. Завуч покачала головой. И добавила, лишив Тоню всякой надежды: «Вы здесь работы по специальности не найдёте. Город моряков, почти у каждого жена. Знаете,

сколько среди них женщин с библиотечным образованием?»

А Игорь и не хотел, чтобы она работала, он не любил возвращаться в пустую квартиру.

Тоня купила толстую книгу с рецептами, каждый день ездила за свежей рыбой в магазин «Океан» и к приходу Игоря готовила что-нибудь вкусненькое. Он смеялся: «От таких ужинов я скоро растолстею!» Но не толстел. Шмыгал носом от постоянного насморка.

Оба они были как растения, высаженные не на том месте. Когда выпал первый снег, Игорь внезапно предложил переехать к его родителям. Они тоже живут у моря, только на юге. Тоня испугалась. Жить с его родителями? «Да они нормальные у меня, — рассмеялся Игорь. — И места там много, дом большой. Два входа, две кухни». «Зачем это?» — удивилась Тоня. Оказалось, чтобы летом сдавать курортникам. Поразмыслив, она решила.

Юг поразил её.

Тёплая, даже жаркая в середине дня погода, обилие зелени в октябре... Какая же это осень? Лето, настоящее лето! А сколько фруктов и овощей на рынке, а какие яблоки в саду! Да что яблоки — виноград заплёл двор! Протяни руку, рви и ешь сколько хочешь! Рай на земле! Родители Игоря приняли её приветливо, не мешали, — с утра уезжали на работу, возвращались после семи.

Пока Игорь не устроился в местную газету, они часто гуляли по городу. Не забыть, как он впервые привёз Тоню к морю. Вместо грозной стихии серых волн, в октябре уже дышащих глубинной, вечной полярной стужей, увидела она совсем другое, почти ласковое море. Под ярким солнцем оно искрилось и играло всеми оттенками синевы и зелени. Ей загорелось искупаться. Купальника не было. Да что с того, берег-то пуст! Но Игорь не дал: ещё простудишься! Вода казалась ему ледяной — это в такую-то жару!

Да, странной была та минувшая осень — с синим, высоким-высоким небом, со стрёкотом последних цикад в сухой траве у забора из жёлтой ракушки, с яркими звёздами, смотревшими по ночам в огромное, в полстены окно. И ночи казались короткими, и дни

мелькали, как солнечные пятна на морской волне. Взглядывая на календарь, висевший в их комнате над столом, она спрашивала себя иногда, уж не снится ли ей всё это? И вправду ли уже ноябрь?

Вот лето и на юге отступало. Зарядили дожди. Но дожди — всё же не метели. Там, дома, на Севере, её поселок всё глубже погружался в глубокие снега и в темноту полярной ночи, а здесь до Нового года она ходила в туфлях.

Новый год встречали фейерверками. Были на дискотеке. Игорь подарил ей большого белого медведя в целлофановом мешке. «Как и ты, с севера мишка», — пошутил. Она взглянула на игрушку, и ей впервые за все эти месяцы вдруг остро захотелось домой. Новый год — праздник зимний, а тут зимой и не пахло: дождь за окном. Это было неправильно. Это тревожило. Тоня с каким-то подспудным нетерпением ждала, когда же пойдёт снег. Но ни снега не было, ни морозов.

Не только погода вызывала беспокойные чувства. Она по-прежнему не работала — места в библиотеках и здесь были заняты. К тому же родители Игоря прописывать её не спешили. Не потому, что не хотели, нет, просто им некогда было. Оба работали. А она дома сидела, мыла посуду, убирала, готовила ужин. Отец Игоря, вернувшись с работы, первым делом заглядывал на кухню, довольно принимался и, прежде чем поужинать и усесться перед телевизором, с довольным видом уплетал шаньгу-другую. «Ну что ты, зачем это? — восклицала мама Игоря, краем глаза озирая накрытый к их возвращению стол. — Ты бы лучше почитала, фильм какой-нибудь посмотрела». Фильмов было много, разных, были даже на иностранных языках с субтитрами. И книг много. Но не читалось и не гляделось.

Игоря всё чаще посылали в командировки, иногда его не было по нескольку дней. Тоня никогда не была слишком общительной, но даже ей сидеть в одиночестве становилось невмоготу. Она стала плакать, чего за ней раньше не водилось. Заставший её как-то в слезах Игорь никак не мог взять в толк, с чего она ревет, а она не могла объяснить. Ей снился дом. То шла к нему через косогор и никак не могла прийти, то видела

его со стороны моря, стоя в баркасе. Снилось тоня, на которой она выросла, река. Прозрачная ледяная вода, журча, быстро скользила по каменистому ложу к Белому морю. Библиотека снилась, куда, как писала крёстная, так пока и не нашли работника.

Ранняя южная весна Тоню уже не радовала. Ощущение было, что пришла она как-то не вовремя, вытолкав из очереди зиму. Не к месту было всё это цветение.

«Я домой... ненадолго», — пряча глаза, объяснила Игорю.

«Хорошо», — торопливо кивнул он в ответ, тоже не глядя на неё. Вроде бы и не удивился даже.

Как внезапно всё началось, так же внезапно и закончилось.

— Эй, лежебока, — заглянула в комнату крёстная. — Хватит спать-то. Тут к тебе гости.

— Кто?

Но крёстной уже не было, только дверь в кухне хлопнула.

Тоня взглянула на ходики — семь утра! — и торопливо натянула платье, недоумевающая, кто мог явиться в такую рань. Ленка, что ли? Распахнула дверь на крыльцо. В самом низу, на первой ступеньке сидел Колька и держал на руках чёрненького шенка.

— Здравствуй, — произнёс, глядя на неё снизу вверх.

— Здравствуй, — откликнулась она и нахмурилась, скрывая непонятно откуда взявшееся смущение. — Чё не на работе-то?

— Да он тут уж третий день толкётся! — усмехнулась крёстная, неся из-за дома охапку дров для утренней топки. — Узнал, что едешь, так места себе и не находит!

— Сама не знает, чё наговариват, — сердито буркнул Колька, отворачиваясь.

Тоня спустилась вниз.

— Где взял? — кивнула на шенка.

— Из Умбы привёз.

Тоня присела рядом с Колькой, оглядела сладкую парочку.

— Лохматый какой!

— Какой же он лохматый? — удивился Колька. — Вот, — протянул ей шенка, который едва не тонул в его ручищах. — Гладкий совсем.

— Да я не про него! — засмеялась Тоня, принимая шеночка. — Ты лохматый! Зарос, как... — она не нашла с чем сравнить его соломенную скирду на голове.

— Так некому стричь было.

— Так уж и некому, — поддразнила она. — В райцентре был? Был. Надо было в парикмахерскую сходить.

— Я голову свою кому попало не доверю, — пробухтел Колька.

— А если б я не вернулась? — спросила она, поглаживая бархатную спинку. — Косу бы отращивал?

— Да знал я, что вернёшься.

«А если знал, чего не остановил-то, когда уезжала?» — хотела она спросить. Но не спросила. Поднесла к лицу тёплый комочек и прижалась к нему щекой.

Через полчаса закутанный в старую простыню Колька сидел на табурете посреди заросшего ярко-зелёной травой двора. Над его головой щёлкала ножницами Тоня, а вокруг бегал чёрный шенок и время от времени громко и радостно лаял.

Романтическое знакомство

Рейс снова отложили — «из-за неблагоприятных погодных условий в аэропорту приземления». Метель там, что ли, в Москве? С каждой новой пятиминуткой, отбиваемой скачком стрелки больших часов на стене напротив, настроение у Алёны всё больше портилось. К восьми вечера оно было ниже плинтуса, как у всякого пассажира, полсуток протомившегося в ожидании отлёта. Алёна поднялась и, попросив сидящую рядом пожилую женщину постеречь место, отправилась в дальний угол зала, где располагалась кафе. Булка и пара котлет, против Алёнкиной воли утром втиснутых мамой в сумку, давно съедены; растаяла во рту кусочек за кусочком плитка шоколада. Нет, впредь — только поездом. Дольше, зато наверняка. Ехала бы сейчас тихо-мирно и смотрела бы сладкие сны под перестук колес.

Это всё дядька, приехавший к ним в гости, начал воду мутить: «Почти двое суток в вагоне болтаться? Самолётом надо летать!» «Дорого самолётом», — возразила мама. «Я куплю ей билет, — отрезал её младший брат. — Пусть племяшка лишний день дома побудет», — и подмигнул Алёне.

Он всегда, когда выпьет, весёлый. И щедрый, пока при деньгах. А они у него ещё не были растрочены — всего лишь неделю назад вернулся из дальнего плавания по южным морям. Подарков навёз. Алёне — джинсы и кофточку, маме — куртку-аляску, которая оказалась маловата и была тут же передарена дочери, к большой радости той. Естественно, она не удержалась и напялила в дорогу все эти вещи, хотя внутренний голос и предупреждал, что лучше этого не делать. У студентов примета есть: наденешь на экзамен что-то новое — обязательно попадётся плохой билет. Также нельзя надевать ничего нового, если впереди важная встреча или, например, поездка. В самом деле, ну для кого, спрашивается, она выфрантилась? Никто ведь не встречает. Да и холодно в куртке. Надень она свою старую шубу, сейчас бы так не мерзла. Вот даже чай не согревает...

Алёна допила второй стакан и отправилась назад, купила по пути в киоске последний номер «Красоты и моды». Читать в нём особенно нечего, одни картинки да статьи психологов, но чем-то же надо заполнить тягучее время вынужденного ожидания. Поблагодарив со-

седку за сохранение места, полистала журнал, посмотрела фотографии, задержалась на гороскопе, — что там ждёт её в ближайшем будущем? Но, сколько ни вчитывалась в хитро закрученные предложения, приложить написанное к себе никак не получалось. Чепуха какая-то и бессмыслица.

Вздыхнув, отложила журнал и снова стала рассеянно наблюдать за движением в зале. Неподалёку лысый старичок в серой дублёнке насторожился, вытянул шею, едва ушами не шевелил, вслушиваясь в витающий под потолком голос. Потом вдруг выдернул из-под ног дорожную сумку и встал. Везёт же некоторым! И почему это в какой-то Дальнегорск вылет разрешен, в Архангельск летят, в Череповец летят, а в Москву — нет?

«Пожалуй, стоит перебраться на его место, — решила Алёна, — подалее от дышащего холода окна. И поскорее, пока не заняли».

Народу становилось всё больше. Кто-то поднимался и спешил на посадку, а кто-то искал, где присесть. Алёна быстренько поднялась, сделала пару шагов и едва не споткнулась о чьи-то длинные ноги, вытянутые на всю ширину прохода. Спрятав лицо в капюшон куртки, сложив руки на груди, какой-то мужик сладко спал, и дела ему не было до того, что кто-то по его милости едва не разбил себе нос. Алёна сердито покосилась на соседа и, шлёпнувшись рядом, прислушалась: громкоговоритель начал выдавать новую порцию информации. Как и следовало ожидать, ничего хорошего. Очередное объявление лишило последней надежды покинуть Мурманск в ближайшие часы. Вылет переносился на утро. Впрочем, теперь уже без разницы, где сидеть, уныло подумала она, здесь или там. Ну прилетит она в Москву в два ночи, и что? Аэропортовские автобусы до обшаги не довезут, на такси дорого, метро закрыто. Из Шереметьева до утра ей не выбраться. Что здесь ночевать в зале ожидания, что там. А может, плюнуть, сдать билет и завтра выехать поездом? Соблазн вернуться домой, постоять под горячим душем, поужинать и улечься в тёплую чистую постель был велик. Но как воспримет её возвращение дядька? Опять же, билетов на завтрашний поезд в Москву может не оказаться. Она потеряет в деньгах, и плюс ко всему путешествие растянется ещё на пару суток. И вообще, возвращаться — плохая примета. Алёна вздохнула: ладно, как-то уж она перетерпит эту ночь. Семь часов осталось. Больше прождала. Хорошо бы уснуть, время во сне летит быстрее. Но как уснёшь на неудобной скамейке, при шуме и ярком свете? Впрочем, — Алёна искоса взглянула на торчащий из ворота куртки заросший щетиной подбородок, — кто по-настоящему хочет спать, тому всё это не помеха.

Словно почувствовав, что на него смотрят, сосед внезапно зашевелился, подобрал ноги, выпрямил плечи и откинул капюшон. И неожиданно оказался молодым и красивым. Ни небритость, ни взлохмаченные, торчащие во все стороны волосы совсем не портили его лица. А какой профиль! Только в кино снимать! Парень пригладил волосы и обвёл сонным взглядом зал, словно пытаясь понять, где находится, а потом вдруг повернул голову к Алёне. Она едва успела опустить глаза и сделать вид, что рассматривает обложку журнала с зубастой девицей. Хрипловатым ото сна голосом сосед поинтересовался, который час. Алёну так и подмывало ткнуть пальцем в стену напротив — вот же часы, прямо перед тобой! — но по его сонному виду поняла, что часов он пока ещё не видит, и, чуть помедлив, произнесла:

— Без десяти двенадцать.

— Ночь, — зевнув, сказал парень.

— Вообще-то, в это время года здесь всегда ночь, — пробормотала она. Её ирония, похоже, до него не дошла, потому пришлось добавить: — Полярная.

Он похлопал ресницами, соображая.

— А, ну да, — улыбнулся.

И, внезапно развернувшись всем корпусом к Алёне, спросил таким тоном, как будто они давно знакомы:

— С каникул?

— На мне написано, что я студентка? — вскинула брови Алёна, перелистывая страницу журнала.

Он пожал плечами:

— Сейчас многие с каникул возвращаются.

«Тоже, наверное, студент», — подумала она, но спрашивать не стала. Был бы лицом попроще, может, и спросила бы. Но смазливые всегда о себе высокого мнения, поэтому никакого интереса к его персоне. Захочет, сам скажет. А не скажет, ну и ладно. Мало ли народу туда-сюда по миру летает. Со всеми не перезнакомишься... Хотя на самом деле Алёне хотелось бы знать, где он учится, если студент. А если не учится, то чем занимается? Не похоже, что москвич. Может быть, тоже мурманчанин? Впрочем, чего это она гадает, с какой стати? Он словно прочитал её мысли.

— В Мурманске я в командировке был. Теперь вот в Москву, — поскрёб подбородок. — Никак не улечу...

— Я тоже в Москву, — сообщила, почему-то радуясь такому совпадению.

— Каким рейсом?

К её разочарованию, рейсы у них были разные. Его самолёт должен был отправиться ещё утром. Но вот нелётная погода — и он уже почти сутки в этом зале.

— Ничё се! — беспомощно пробормотала она.

— Мы, что, можем ещё на сутки здесь застрять?

— Бывает и хуже, — усмехнулся сосед. — Я однажды в Новосибирске трое суток сидел.

— С ума сойти! Нет, больше я не летаю.

— Поездом ещё хуже, — равнодушно заметил сосед.

— Почему это? — сердито возразила Алёна. — Поездом как раз лучше, не застрянешь вот так.

— Ну, это не часто случается, — сказал он, разглядывая её. А может быть, Алёне это только показалось. — Я много летаю. Удобно. Несколько часов — и на месте. Случаются задержки, не без того, но это зимой. А поезд... Он же еле плетётся что зимой, что летом, — больше времени в дороге проводишь, чем в самой командировке.

— А я всегда поездом езжу, мне нравится, — призналась Алёна. — С людьми знакомишься...

Внезапно неоновый квадрат лампы над их головами затрещал и погас. Угол погрузился в полумрак. Мужик, читающий газету напротив, взглянул вверх и выругался. Парень засмеялся, а Алёна вздохнула с облегчением — в полумра-

ке лучше. Глаза не устают от яркого сине-белого света. И разговаривать легче.

Вообще-то, она с парнями нормально общалась, с детства ходила в спортивные секции, а там мальчишек всегда больше, чем девчонок. Но сейчас почему-то чувствовала некоторую скованность. Наверное, потому, что парень был симпатичным. Такой бы на ней своего выбора никогда не остановил... как, впрочем, и другие. «Ты для них как бы свой парень, — говорит Ксения, с которой они в общежитии живут в одной комнате. — Ты всегда выглядишь так, как будто только что с тренировки или на какую-нибудь пробежку собралась, а это, извини, мужчин не привлекает. Мужчины любят женщин за то, чего у них нет. Им хочется видеть, какая у тебя грудь, зад, ноги... Кстати, и длинные волосы приветствуются. А у тебя стрижка и вечный прикид спортсмена. Издалека кажется, что не девушка, а какой-то подросток-полудурок с рюкзаком скачет!» Алёна и в самом деле часто ходила в спортивном костюме. Но только потому, что у неё три раза в неделю тренировки по утрам, до начала занятий. А по субботам и средам ещё и бассейн. Само собой, что в те дни, когда не было тренировок, она и туфли, и платья носила. Но ситуации они кардинально не меняли. Нет, парни к ней нормально относились, то и дело просили конспекты, денег в долг, но вот свиданий назначать никто не спешил.

Ксюхин Ромка как-то попытался познакомиться её со своим приятелем. Сказал: «Вы идеально подходите друг другу: он любит железо тягать». Друга звали Василий, и он действительно оказался в хорошей спортивной форме. Принёс вино и конфеты. А когда Ксения и Роман пошли на кухню жарить картошку, тут же полез к Алёне целоваться, а потом попытался на кровать её опрокинуть. Не поинтересовался даже, нравится ей всё это или нет. Она хорошенько пнула боксёра, что его не охладило, и неизвестно, чем бы дело кончилось, если бы Ксения с Ромкой в этот момент не вернулись. У этого Васьки была просто бульдожья хватка... Вечер был безнадежно испорчен, да и тот приятель как-то сразу утратил к ней интерес. Быстро ушёл, сославшись на какие-то дела.

Когда убирали со стола, Ксения поинтересовалась у подруги: «Ну как он тебе?» — «Никак», — ответила Алёна. Хотела добавить, что лучше ни с кем не встречаться, чем с таким сексуально озабоченным козлом, но не стала при Романе усугублять обстановку. «Переборчивые часто остаются старыми девами», — изрёк допивавший вино Ромка. Но плевать Алёна хотела на его мнение. Сам недалеко от своего друга ушёл — слышала она о его похождениях. И с Ксенией встречается лишь потому, что она ему ни в чём не отказывает, но на роль жены он давно и упорно подыскивает москвичку. Алёне такое «счастье» и даром не нужно. Не потому, что она высоких моральных принципов. Просто несимпатичны ей такие «рышущие», желающие и тут перехватить, и там не упустить. И вообще, она верила и знала, что по-настоящему и надолго людей сводит не расчёт, а внутренние совпадения характеров, некая душевная и духовная общность, при которой прописка, размер груди и длина ног значения не имеют. Просто не всякий готов ждать такой встречи, как и вообще в жизни, кто-то довольствуется малым, а кто-то хочет большего. Ксения в ответ фыркала: «Высокоморальных парней просто в природе не существует. Если и были когда-то, то давно, как мамонты, вымерли. Сейчас самый последний замухрышка первым делом смотрит как раз на длину ног и на сиськи. И прикидывает, как далеко можно зайти... И ничего плохого в этом нет». А уж если парень симпатичный и понравился, то почему бы такое знакомство сразу не закрепить? Они с Романом так и поступили.

— Двенадцать, — произнёс парень, взглянув на часы. — Пора перекусить. Тебя как зовут? — обернулся к ней.

— Алёна... то есть Лена.

— А меня — Сергей, — сообщил, поднимаясь.

— Схожу за кофе. Тебе чай или тоже кофе?

— Чай, — решила она.

Интересно, означает ли что-нибудь знакомство в полночь? «Мы познакомились ровно в полночь в северном аэропорту, когда за окнами свистела метель...» Звучит красиво. И в ки-

но, наверное, смотрелось бы романтично. Но в реальности от такой романтики мало радости. В зале ожидания до дрожи неуютно, сквозняки гуляют, руки-ноги подмерзают. Потому самочувствие хреновое. Посиди-ка день, не снимая куртки и почти без движения, а встанешь — тут же место займут, народу ведь тьма! И выглядит Алёна, конечно, не лучшим образом, несмотря на новые одёжки. Знакомиться нужно на каком-нибудь вечере, на дискотеке, когда и одета, и накрашена. Или в универе, где-нибудь в коридоре, чтобы все увидели рядом с нею такого красивого парня. Нет, аэропорт и ночь не лучшее место и время для романтического знакомства. Сейчас бы домой — поспать. И зубы не мешало бы почистить. Алёна засунула руку в сумку и попыталась на ощупь отыскать конфету, — она всегда носила с собой несколько карамелек, — но в кармашках было пусто. Кончились конфеты, а дома, где все каникулы сплошное обжорство, она о пополнении запасов не побеспокоилась.

Сергей принёс чай и попросил подержать и его стаканчик с кофе. Открыл сумку и вытащил бумажный пакет.

— Пирожок хочешь?

Ещё бы не хотеть! Отказываться, когда желудок пищит от голода? Ну уж нет. Алёна сунула руку в пакет и вытащила пирожок. Надо же, с повидлом.

— У нас такие в школьном буфете продавали.

— Да? У нас тоже. Бери ещё.

Сосед снова протянул ей кулек.

Второй исчез так же быстро, как и первый. Удивительно вкусные пирожки.

— Ну и последний, — подначивал новый знакомый.

Алёна замотала головой, мол, третий ей не одолеть. Она бы, конечно, и третий, и четвёртый одолела, но пирожок был последним.

— Значит, придётся выбросить, — вздохнул Сергей.

— Зачем выбрасывать? Сам съешь.

«Выбрасывать еду, когда где-то кто-то голодает, просто преступление», — закончила уже про себя. Вслух произнести язык не повернулся. Этот парень решит ещё, что она выпендривается. Хотя она совершенно искренне так

считала. Однажды, занимаясь в читальном зале библиотеки, увидела на стенде разворот какого-то журнала: большеголовые, с тонкими шеями, полуголые и даже голые дети разного возраста, с отчётливо проступавшими под тёмной кожей рёбрами, сидели на земле с мисками в руках. Ложек не было, ели руками — то ли какая-то благотворительная организация, то ли миссия ООН привезла им еду. Впечатляющая была фотка. С тех пор у неё рука не поднималась выбрасывать продукты. Она даже в столовке складывала недоеденное в пакет, игнорируя удивлённые, а иногда и презрительные взгляды, и по пути оставляла эти остатки у мусорных баков — для уличных кошек. Тоже ведь живые и есть хотят.

«Ты прямо как старая дева, — сердилась Ксения, которую эта привычка почему-то сильно раздражала. — Они обычно помешаны на всяких кошечках-собачках». Алёна не помешана, просто им сочувствует. Но Ксении этого не понять, потому что Ксения не сочувствует никому и ничему. И ни с кем не считается, было бы только ей хорошо. А уж как не любит убирать! Её, единственную дочь, дома никто и никогда не заставлял что-то делать, вот и выросла эгоисткой. Может часами сидеть на кровати, красить ногти или расчёсывать у зеркала свои длинные светлые волосы — пусть вокруг хоть потоп. Стоит напомнить, что её очередь мыть полы, — вспыхивает как спичка. Правда, это единственный повод, по которому они ссорятся. В остальных вопросах конфликтов обычно не возникает, поскольку чужая жизнь Ксению так же мало интересует, как и мусор по углам комнаты. Раньше с ними жила ещё Нина. Но недавно ушла к своему парню, и они остались в комнате вдвоём. У Нины дело идёт к свадьбе. Нина из Краснодара, а её Костя — москвич. «Повезло», — ревниво вздыхает Ксения. Ей тоже хотелось в Москве остаться, но в этом плане пока не повезло. Парней — завались, а вот подходящей кандидатуры для замужества нет.

Алёну разбудил хлопок, и, приоткрыв глаза, она увидела лежащий на полу журнал. Сергей наклонился и поднял его. Алёна зевнула, заж-

мурилась, а когда снова открыла глаза, он уже не сидел, а стоял с сумкой на плече. Часы за его спиной показывали половину пятого.

— Лёд тронулся, отправляют, — он протянул ей журнал и, наклонившись, неожиданно чмокнул в щеку. — Пока. Объявили посадку, надо бежать.

— Счастливо долететь, — пробормотала она, все ещё плохо соображая.

Пара секунд — и его уже нет. Только что сидел рядом и вот исчез. Пропал, затерялся среди пассажиров. После чего внезапно не только рядом с нею, но и внутри неё тоже образовалась пустота. Больно кольнула мысль: она больше никогда его не увидит. От этого проснулась окончательно. Не увидит. Потому что никаких контактов он ей не оставил. Появился из толпы и в толпе исчез. Хотя с чего это она так расстроилась? Сколько их, этих всяких-разных знакомств в дороге, она и сама не раз откровенничала с людьми, ни лиц, ни имён которых уже и не вспомнить. А у него этих случайных встреч вообще не счесть. Нефтяник. Сам сказал: сегодня он здесь, завтра — там. Уже, наверное, и забыл Алёну. Может быть, уже знакомится с какой-нибудь новой девушкой, рассказывает ей всякие анекдоты из своей жизни.

Ладно, хватит канючить. Спасибо, что хотя бы разбудил. Она действительно могла проспать свой отлёт. Вот-вот должны объявить посадку и на её рейс. Если, конечно, опять не заставят ждать. В любом случае, надо встряхнуться и подвигаться. Сходить в туалет первым делом. И умыться. Поёживаясь, она поднялась, и тут вдруг объявили посадку на её рейс. Ничего, успеет...

Через полчаса Алёна уже сидела в салоне. Место досталось у прохода. У окна тётка воевала с ремнём безопасности, пытаясь растянуть его, чтобы вместить свое необъятное пузо. Алёна пошарила руками по бокам, вылавливая концы и своего ремня. И в самом деле, мог бы — ну хотя бы из вежливости! — номер телефона спросить. Впрочем, она ведь тоже могла. Но не попросила. Какой смысл? Она — в Москве, он — в Тюмени. Какой другой конец

мог быть у такого романтического знакомства? «Но-но, он ещё целую неделю будет в Москве, могли бы ещё разок встретиться», — пискнула обида. Но совсем уж вяло пискнула. «Забудь», — посоветовал здравый смысл.

Вечером Алёна чертила за столом графики, когда в комнату вошла Ксения с большой кружкой кофе в одной руке и с журналом — в другой. Она только что вернулась из своей Балашихи.

Прищурившись, оглядела комнату и почему-то задержала взгляд на Алёниной кровати.

— Ну, и как он? — спросила с хитрой улыбкой.

— Кто? — подняла голову Алёна.

— Вот и я хочу знать кто?

— Да о чём ты? — рассердилась Алёна.

Ксения перевернула журнал.

— «Не хотел тебя будить. Обязательно позвони, жду!» — кривляясь, пропела. — Если уж хотела свидание скрыть, нечего было бросать это на видном месте!

Алёна выхватила у Ксении журнал. На обороте и в самом деле было написано размашистым почерком: «Не хотел тебя будить. Обязательно позвони, жду!» И — номер телефона.

Закусив губу, чтобы не рассмеяться, Алёна бросила на стол линейку и отбила чечётку.

— Ну ты и дура, — покачала головой Ксения.

Ещё бы не дура! Самая настоящая. Так радоваться неизвестно чему. Подумаешь, номер телефона! Это ничего не значит, совсем ничего.

Но где-то в глубине души она знала, что значит. Это значит, что она его снова увидит. Может быть, даже сегодня.

Галина Ильинична ГРАНОВСКАЯ —

родилась в Челябинске.

Прозаик, переводчик,

автор детской и обучающей литературы.

Окончила факультет романо-германской филологии

Симферопольского государственного университета.

Автор более десятка книг прозы.

Лауреат нескольких конкурсов.

Роман «Чёрный плащ немецкого господина»

вошёл в десятку лучших произведений в номинации

«Крупная проза» «Русской Премии-2008».

Награждена золотой медалью «Василий Шукшин» (2015).

В журнале «Север» публикуется впервые.

